

УДК 81-112

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ФОРМЫ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЧЕТАНИЙ С ТВОРИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ ОГРАНИЧЕНИЯ)

© 2019 г.

Е.Ю. Рыкин

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир

eugeny.rikin@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.03.2019

На материале специальных эвалюативных конструкций – сочетаний с творительным падежом ограничения – представлено описание некоторых особенностей третьей концептуальной формы русской ментальности (по В.В. Колесову) – идентификации. На основании языкового материала современных текстов показано, что в период идентификации происходит разрушение устойчивости словесных формул и текст начинает строиться с помощью отдельных словоформ.

Ключевые слова: категория оценки, сочетание с творительным падежом ограничения, идентификация.

В современной науке о языке особую актуальность приобретает вопрос о языковой картине мира и об отражении в ней представлений человека об окружающей действительности. Данные проблемы находят свое отражение в работах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Е.М. Вольф, Ю.Н. Караулова, В.В. Колесова, Г.В. Колшанского, Е.С. Кубряковой, Т.В. Маркеловой, М.В. Никитина, М.Вас. Пименовой, В.Н. Телия, А.А. Уфимцевой, В.К. Харченко, А.Д. Шмелева и др. Одним из аспектов изучения вопроса о языковой картине мира является исследование категории оценки. Необходимо отметить, что оценочное отображение действительности и связанные с этим вопросы о языковой картине мира и русской ментальности в плане диахронии недостаточно изучены. На наш взгляд, более подробного изучения требуют особенности семантики и функционирования языковых единиц в разные периоды развития литературного языка, соответствующие трем концептуальным формам русской ментальности: ментализации, идеации и идентификации (по терминологии В.В. Колесова, см. [1]). На данный момент имеются публикации, посвященные общей лингвистической характеристике данных периодов и форм русской ментальности (см., например, [2] и [3]), а также статьи, в которых на конкретном языковом материале показана специфика данных форм (например, [4] и [5]). В представленный цикл публикаций входит и предлагаемая нами статья, в которой предпринята попытка описать особенности проявления идентификации на материале специальных эвалюативных единиц – сочетаний с творительным падежом ограничения, которые представляют собой «устойчивые со-

четания, состоящие из главного слова (краткого или полного прилагательного, реже – причастия, существительного или глагола) и существительного в творительном падеже, которое ограничивает сферу приложения признака, названного главным словом» [6, с. 11].

В период идентификации (XVII/XVIII вв. – настоящее время) объем и содержание понятия, выработанные в слове в предшествующие этапы развития языка (имеются в виду идеация и ментализация), объединяются уже в самостоятельном слове, которое выделяется из традиционных словесных формул. Следствием этого процесса является разрушение традиционных устойчивых формул, что проявляется, по мнению Н.М. Михайлова, в закреплении творительного падежа со значением ограничения «за достаточно ограниченным кругом кратких прилагательных», в первую очередь, как отмечает исследователь, за прилагательными *славен, богат, (из)обилен, знатен* [7, с. 252].

В современный период развития русского языка сочетания с творительным падежом ограничения продолжают использоваться, но подавляющее большинство данных сочетаний уже нельзя назвать устойчивыми. Об этом говорит относительно невысокая частотность употребления подобных сочетаний (по сравнению с древнерусским языком). Кроме того, в современных текстах встречаются синонимичные по значению предложные конструкции. К таким конструкциям относятся: дательный падеж с предлогом *по*, винительный падеж с предлогом *на* и предложный падеж с предлогом *в* (см., например, [8, с. 216–219]). Приведем примеры данных сочетаний из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Дательный падеж с предлогом *по*: «*Так началось новое время, возник новый человек, в идеале – **безмянный по форме** (=безмянный формой), **одноцветный по содержанию** (=одноцветный содержанием)*» [Фридрих Горенштейн. Куча (1982) // Октябрь, 1996]. «*Бас у него был **редкий по красоте** (=редкий красотой)*» [Даниил Гранин. Зубр (1987)]. «*Но у него в районе жили близкие родственники, и раз в месяц Кямал привозил полную машину **небывалых по качеству и количеству** (=небывалых качеством и количеством) продуктов: домашнее вино, битые индюки и поросята, фрукты, зевающие, ещё живые осетры*» [Виктория Токарева. Своя правда // Новый мир, 2002]. «*Среди вещей было немало удобных предметов: чемоданы, книги, **внушительные по габаритам** (=внушительные габаритами), но лёгкие тюки с бельём...*» [Сергей Довлатов. Дорога в новую квартиру (1987)]. «*Конечно, как всякому **мягкому по натуре** (=мягкому натурой) парню, ему будет трудно, но он дома, при родителях, а когда вырастет, тогда будет видно*» [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)].

Винительный падеж с предлогом *на*: «*Эта суровая на вид (=суровая видом) женщина оказалась не только бодрой и бесстрашной, но и доброй*» [А.И. Пантелеев. Ленька Пантелеев (1938–1952)]. «*Я не хочу сказать, что он был **нечист на руку** (=нечист рукой), боже упаси, но не отдать вовремя или вовсе замотать долг, не вернуть книгу, аванс, какую-нибудь хозяйственную вещь было вполне в его духе*» [Юрий Нагибин. Тьма в конце туннеля (1994)]. «*Говорят, что хлеб, возделываемый по левую сторону от Кубани, то есть в самых благодатных местах предгорий, так же **красив на вид** (=красив видом), жирен, крупен и так же, как и все, растущее на здеишей жирной земле и под здеишим пламенным солнцем, недолговечен и непрочен*» [Г.И. Успенский. Письма с дороги (1887)].

Предложный падеж с предлогом *в*: «*Слева от него, ближе к засаде, стоял высокий, крепкого сложения старший лейтенант лет тридцати или чуть побольше, а справа – молодой лейтенант, тоже плотный и **широкий в плечах** (=широкий плечами)*» [Владимир Богомолов. Момент истины (В августе сорок четвертого...) (1973)]. «*Он без шинели, **широк в плечах** (=широк плечами), узкобедрый, сильно затянут ремнем*» [Г.Я. Бакланов. Навеки девятнадцатилетние (1979)]. «*Он был довольно высокого роста, но чрезвычайно тонок и **узок в плечах** (=узок плечами), с необыкновенно жиденькими, рыжеватого оттенка волосиками*» [Ф.М. Достоевский. Бесы (1871–1872)].

Следует отметить, что некоторые сочетания с творительным падежом ограничения являются

неразложимыми (например, *хорош собой*), о чем говорит невозможность их синонимичной замены предложными сочетаниями. По этой причине можно, на наш взгляд, говорить об устойчивости таких конструкций в современном русском языке.

Как и в предыдущие периоды истории русского языка, в современном русском языке сочетания с творительным ограничением используются для оценочной характеристики человека, при этом с помощью данных единиц выражаются те же виды оценок, что и в древнерусском языке, – сублимированные, нормативно-рационалистические и сенсорные (за основу мы берем классификацию типов основания оценки Н.Д. Арутюновой, см. [10]). На наш взгляд, в сочетаниях с творительным ограничением показателем основания оценки является словоформа существительного в творительном падеже, в то время как главный компонент конструкции (как правило, прилагательное) выражает характер оценки. В зависимости от того, какое существительное представлено в конструкции, все сочетания с творительным ограничением, встречающиеся в современном русском языке, можно разделить на несколько групп.

Сублимированный тип основания оценки представляет собой оценку, основанную на архетипе (норме, образце, примере), на потенциальных требованиях, предъявляемых к объекту оценки [10, с. 76]. Сублимированные оценки можно разделить на эстетические и этические. Эстетическая оценка представляет собой «отношение субъекта оценки (положительное / отрицательное / нулевое) к объективной ценности, воспринимаемое как признак оцениваемого объекта с точки зрения существующего в ту или иную эпоху представления о красоте-безобразии в рамках картины мира данного социума» [11, с. 3]. В качестве зависимых компонентов в подобных сочетаниях мы можем увидеть существительные *образ, рост, лицо* и т.д. Сочетания с творительным ограничением, выражающие эстетическую оценку: «*Страшные образом своим и подобием шпана и ворье у себя сидели тихо...*» [Асар Эппель. Темной теплой ночью (1992)]. «*Один из них, высокий, статный муж, **красивый лицом**, лет тридцати пяти, сидел в отдалении от прочих, поглаживал свою черную бороду и смотрел на других исподлобья*» [Ф.В. Булгарин. Димитрий Самозванец (1830)]. «*Маленькая ростом, но очень сильная, крепконогая, подвижная, сестра хорошо танцевала, прекрасно плавала и занималась спортивной гимнастикой*» [Анатолий Ким. Мое прошлое (1990–1998) // Октябрь, 1998]. «*Юрка – высокий, стройный, сильный, но очень добрый, отзывчивый; светло-голубоглазый,*

красивый лицом и душою человек» [Анатолий Жигулин. Черные камни (1988)].

Как отмечает Н.Д. Арутюнова, если эстетические оценки «связаны с удовлетворением чувства прекрасного», то этические – «с удовлетворением нравственного чувства» [10, с. 76]. Под этической оценкой будем понимать «частнооценочное значение, ориентированное на передачу представлений об этике – о соблюдении этических правил и их нарушении» [12]. Сочетания с творительным ограничением, выражающие этическую оценку: «*Одному нужна, другому – нет. Самые сильные духом готовы выслушать правду*» [И. Грекова. Перелом (1987)]. «*К Федору еще приезжал из Баку брат Шура: красивый, статный, легкий духом, большой добрый пьяница*» [Александр Иличевский. Штурм // Новый мир, 2007]. «*Чуйков волновался, внятно ударяло в груди его ожесточённое войной сердце*» [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)]. «*Блаженные духом ближе к любви и к богу, чем те, кто сделал интеллект высшей целью*» [Михаил Елизаров. Pasternak (2003)].

Сенсорная оценка связана «с ощущениями, чувственным опытом – физическим и психическим» [10, с. 76]. В данную группу входят сенсорно-вкусовые и психологические оценки. В нашем материале представлены только оценки второго типа, которые, в свою очередь, делятся на интеллектуальные и эмоциональные. Интеллектуальная оценка представляет собой «частнооценочное значение, нацеленное на раскрытие интеллектуальных способностей человека» [12]. Зависимыми компонентами являются слова *ум* и *разум*. Сочетания с творительным ограничением, выражающие интеллектуальную оценку: «*Убогий умом человек этот Гаварсаки*» [К.Г. Паустовский. Повесть о жизни. Время больших ожиданий (1958)]. «*В том-то и дело, скромные разумом драматурги*» [Леонид Зорин. Медный закат (2007) // Знамя, 2008]. «*Скудные разумом, они исполняли свои темные обязанности без вдохновения, скучно, серо, тускло*» [Ф.К. Сологуб. Капли крови (Навыи чары) (1905)].

Эмоциональная оценка – это вид оценки по основанию, в качестве которого берутся чувства и эмоции. Зависимый компонент как раз и обозначает некую эмоцию: «*Но Мюрелье так наштаповывал Гитлера инъекциями наркотиков, что тот из полутрупа вновь превращался в одержимого бешенством, жаждущего отомстить всем и каждому властелина*» [Вадим Кожевников. Щит и меч. Книга вторая (1968)]. «*Его арестовали – и он исчез из Асиной жизни. Ася жила в Ташкенте, одержимая безумием*» [Эдвард Радзинский. Наш Декамерон (1980–1990)]. «*В последнее время он был одержим*

страхом, что его профессия лингвиста никому больше не нужна, что за ним скоро придут и поволокут на общественные работы» [Дмитрий Быков. Орфография (2002)]. «*Такая открытость бывает у детей и людей, одержимых страстью*» [Юрий Трифонов. Утоление жажды (1959–1962) // Ю.В. Трифонов. Утоление жажды, 1970].

Рационалистические оценки, по мнению Н.Д. Арутюновой, «связаны с практической деятельностью, практическими интересами и повседневным опытом человека» [10, с. 76–77]. В нашем языковом материале представлен лишь один из подвидов рационалистической оценки – нормативная оценка, поэтому считаем возможным обозначить данный вид оценки как нормативно-рационалистический. Нормативная оценка обозначает оценочное понятие, «содержанием которого являются имеющиеся у субъекта оценки представления о должном» [13, с. 41]. Сочетания с творительным ограничением, выражающие нормативно-рационалистическую оценку, содержат характеристику здоровья и телесной силы человека: «*И нельзя было не верить в силу их, как не мог не верить в нее и сам Клим, делавший порою прямо чудеса над одержимым недугом*» [И.А. Бунин. Суходол (1911)]. «*В нем обозначалось, что «дворовый человек Никанор Дмитриев был одержим болезнью, по медицинской части недоступною»* [И.С. Тургенев. Дым (1867)]. «*Он, переполненный силами, хочет действовать, а не сидеть сложа руки, не болезненно мечтать и пресмыкаться в кругу фантомов, выходцев с того света, и бесцветных идеалов, насильственно вымученных у бедного воображения*» [И.И. Панаев. Белая горячка (1840)].

Таким образом, в период идентификации отдельное слово как совокупность словоформ выделяется из традиционных словесных формул и становится самостоятельной единицей. Тем не менее сочетания с творительным ограничением продолжают употребляться для оценочной характеристики человека и выражают те же виды оценок, что и в древнерусских текстах, но данные конструкции уже нельзя назвать устойчивыми, подтверждением чему служат их относительно редкое использование в современных текстах, а также наличие других предложных конструкций с тем же значением.

Список литературы

1. Колесов В.В. История русского языка: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. М.: Академия, 2005. 672 с.
2. Пименова М.Вас. История русского литературного языка и концептуальные формы русской мен-

тальности // Фортунаговские чтения в Карелии: Сб. докл. Междунар. науч. конф. (10–12 сентября 2018 года, г. Петрозаводск): в 2 ч. Петрозаводск. С. 133–135.

3. Пименова М.Вас. Русский язык в период ментализации // Русский язык в поликультурном мире / Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского. Симферополь, 2019. С. 103–108.

4. Пименова М.Вас. Глагольные устойчивые единицы в диахронии // Русский глагол: история и современность. Материалы Междун. лингвист. конф. (Будапешт). Будапешт, 2015. С. 25–30.

5. Богрова К.М. Устойчивые сравнения как способ выражения оценки в древнерусском тексте (на материале произведений XI–XIV веков) // Общественные науки. 2017. № 1. С. 31–37.

6. Рыкин Е.Ю. Сочетания с творительным ограничением как средство выражения оценки в древнерусском тексте: Дис.... канд. филол. наук. Владимир, 2015. 196 с.

7. Михайлов Н.М. Творительный падеж в русском языке XVIII века. Уппсала, 2012. 296 с.

8. Гадолина М.А. Творительный ограничения // Творительный падеж в славянских языках. М., 1958. С. 201–222.

9. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.

10. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

11. Пименова М.Вас. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с.

12. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. Назрань, 2010. <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 07.03.2019).

13. Ефанова Л.Г. Норма как функционально-оценочная категория и способы ее представления в языке (Ч. I. Структура нормативной оценки) // Вестник ТГПУ. 2008. № 2. С. 41–44.

PECULIARITIES OF IDENTIFICATION AS THE CONCEPTUAL FORM OF THE RUSSIAN MENTALITY (BASED ON THE MATERIAL OF COMBINATIONS CONTAINING THE INSTRUMENTAL CASE OF RESTRICTION)

E.Yu. Rykin

The article describes some features of identification as the third conceptual form of the Russian mentality (according to V.V. Kolesov). On the basis of the linguistic material of modern texts that contain special evaluative structures – combinations containing the instrumental case of restriction – it is shown that verbal formulas lose their stability at the moment of identification and the construction of the text occurs with the help of individual word forms.

Keywords: category of assessment, combinations with the instrumental case of restriction, identification.

References

1. Kolesov V.V. Istoriya russkogo yazyka: Ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenij. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU. M.: Akademiya, 2005. 672 s.

2. Pimenova M.Vas. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka i konceptual'nye formy russkoj mental'nosti // Fortunatovskie chteniya v Karelii: Sb. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (10–12 sentyabrya 2018 goda, g. Petrozavodsk): v 2 ch. Petrozavodsk. S. 133–135.

3. Pimenova M.Vas. Russkij yazyk v period mentalizacii // Russkij yazyk v polikul'turnom mire / Krymskij federal'nyj universitet imeni V.I. Vernad'skogo. Simferopol', 2019. S. 103–108.

4. Pimenova M.Vas. Glagol'nye ustojchivye edinicy v diahronii // Russkij glagol: istoriya i sovremennost'. Materialy Mezhdun. lingvist. konf. (Budapesht). Budapesht, 2015. S. 25–30.

5. Bogrova K.M. Ustojchivye sravneniya kak sposob vyrazheniya ocenki v drevnerusskom tekste (na materiale proizvedenij XI–XIV vekov) // Obshchestvennye nauki. 2017. № 1. S. 31–37.

6. Rykin E.Yu. Sochetaniya s tvoritel'nyj ogranicheniya kak sredstvo vyrazheniya ocenki v drevnerusskom tekste: Dis.... kand. filol. nauk. Vladimir, 2015. 196 s.

7. Mihajlov N.M. Tvoritel'nyj padezh v russkom yazyke XVIII veka. Uppsala, 2012. 296 s.

8. Gadolina M.A. Tvoritel'nyj ogranicheniya / Tvoritel'nyj padezh v slavyanskij yazykah. M., 1958. S. 201–222.

9. NKRYa – Nacional'nyj korpus russkogo yazyka. Rezhim dostupa: <http://www.ruscorpora.ru>.

10. Arutyunova N.D. Tipy yazykovykh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt. M.: Nauka, 1988. 341 s.

11. Pimenova M.Vas. Krasotoyu ukrasi: vyrazhenie esteticheskoy ocenki v drevnerusskom tekste. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Vladimir: VGPU, 2007. 415 s.

12. Slovar' lingvisticheskij terminov [Elektronnyj resurs]. Nazran', 2010. <http://dic.academic.ru> (data obrashcheniya: 07.03.2019).

13. Efanova L.G. Norma kak funkcional'no-ocenchnaya kategoriya i sposoby ee predstavleniya v yazyke (Ch. I. Struktura normativnoj ocenki) // Vestnik TGPU. 2008. № 2. S. 41–44.